

UNITED WISDOM

Можно ли солгать, чтобы защитить человека

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A-15-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Можно ли солгать, чтобы защитить человека

Эпиграф

Не всякий, кто говорит неправду, лжёт.

Августин, «О лжи», §3, английская редакция New Advent; русский перевод United Wisdom. В следующем пояснении речь идёт о человеке, считающем сказанное истинным: различение ошибки и лжи не разрешает намеренный обман.

О чём эта статья

На занятии рисованием участники вывешивают работы без имён. Один рисунок вызывает смех. Лена знает автора: её друг впервые пришёл в группу и попросил пока не называть его. Другой участник обращается к ней: «Это его работа?» Он уже собирается переслать фотографию знакомым с насмешливой подписью. Лена хочет ответить «нет». Ей кажется, что небольшая ложь защитит человека от незаслуженного унижения, а правдивость сейчас сделает её соучастницей жестокости.

В условной сцене есть несколько разных вопросов. Нужен ли собеседнику этот факт для допустимого решения? Может ли Лена отказаться отвечать? Кого затронет отрицание? И чем защита друга отличается от удобного сокрытия его ответственности? Мы не будем объявлять любую добрую цель разрешением на ложь или любую передачу сведений нравственным долгом. Рассмотрим намеренный обман как действие со своим основанием, ценой и пределами. Философские и религиозные тексты сохранят разногласия; авторская практика останется способом прояснить обычный разговор между взрослыми, а не порядком действий при угрозе жизни или профессиональной консультацией.

I. Сначала понять, что именно мы собираемся сказать

Лена может ошибиться в авторстве, честно передать своё предположение или сознательно назвать известное ей неверное имя. Внешняя фраза иногда одинаковая, но отношение к собственному знанию различается. Если она действительно не знает, ответ «не знаю» не является уловкой. Если знает и произносит его ради ложного впечатления, этим уже нельзя пользоваться как доказательством отсутствия обмана. Защита человека не начинается с переименования своего действия, чтобы оно стало легче для собственной совести. Сначала стоит назвать различие между неизвестностью и намеренным введением в заблуждение.

Августин в §3 «О лжи» различает ложность сказанного и внутреннюю позицию говорящего. Человек может передать ошибочное суждение, считая его истинным; отсутствие лжи не делает его автоматически свободным от неосмотрительности. Это важное ограничение. Для нашей сцены оно помогает не смешивать случайную неточность с сознательным отрицанием. Мы не переносим всё богословское обоснование Августина в современную проверку разговора и не делаем из различения обещание, что искренне убеждённый человек никогда не отвечает за причинённый своей речью вред.

Нужно также назвать результат, на который направлен ответ. «Защитить друга» слишком широко: остановить насмешливую публикацию, сохранить его просьбу об анонимности, избавить себя от конфликта или избежать разговора о слабом рисунке? Эти цели могут сочетаться, но не равны. Если Лена боится, что её сочтут неудобной, полезно признать и этот мотив. Он не обесценивает заботу, однако не должен незаметно стать единственной причиной. Иначе защитой друга окажется названо любое действие, позволяющее ей уйти из разговора без неприятных вопросов и последующей ответственности.

Наконец, возможный вред надо описать без преувеличения. В сцене речь о намерении унизить и распространить насмешку; это отличается от корректной просьбы преподавателя определить авторство для обратной связи. Болезненное замечание не всегда является несправедливым нападением, а нежелание друга слышать критику не даёт Лене права выдавать его работу за чужую. Мы рассматриваем конкретный способ обращения со сведением. Одна и та же информация может понадобиться разным людям для разных целей, и различие этих целей существенно для оценки ответа.

II. Правдивость не обязывает отвечать на любой вопрос

Внутри развилки «солгать или выдать» часто исчезает возможность отказа. Лена может сказать: автор просил не называть его; я не участвую в насмешливом распространении; обсуждать рисунок можно без имени. Такая фраза не гарантирует, что собеседник перестанет догадываться. Она также может вызвать раздражение. Но отказ позволяет сохранить различие между границей доступа и ложным сообщением. Мы не обязаны сначала доказать, что отказ всем понравится, чтобы считать его реальным вариантом. Его нравственное значение не измеряется удобством отвечающего человека в ближайшую минуту.

Право спрашивать в обычном разговоре не равно основанию требовать ответ. Здесь мы не устанавливаем юридических прав и профессиональных обязанностей. Мы замечаем повседневную ошибку: чужая настойчивость сама по себе не делает сведения общими. Можно говорить правдиво о своей позиции, не передавая личную информацию друга. При этом фраза «я не обсуждаю это» должна означать именно границу, а не служить заранее устроенной подсказкой, подтверждающей имя. Удобная формулировка тоже требует внимания к тому впечатлению, которое она намеренно создаёт в данном разговоре.

Отказ иногда недостаточен для предотвращения вреда, и этого нельзя скрывать. Собеседник может уже знать авторство или истолковать молчание как подтверждение. Тогда выбор касается более сложного соотношения правдивости и защиты. Но сначала нужно проверить, действительно ли доступная граница исчерпана, а не просто неприятна. Нередко ложь выбирают раньше, потому что она кажется социально гладкой: никто не замечает возражения и не требует объяснить позицию. Это выгода говорящего, которая может присутствовать рядом с заботой, а не доказательство, что обман был необходим.

Лена не должна изображать нейтрального наблюдателя, если хочет изменить обращение с рисунком. Можно прямо возразить против насмешки и предложить обсуждение качества без публичного унижения. Тогда защита направлена на действие, которое причиняет вред, а не только на скрытие одного факта. Отказ от имени и отказ от участия в распространении — разные шаги. Первый сохраняет доверенное условие, второй определяет собственное участие. Вместе они дают больше ясности, чем придуманная история, в которой авторство будто бы исчезает и ни за что дальше отвечать не приходится.

III. Почему доброе намерение не закрывает вопрос об обмане

Предположим, Лена всё же отвечает: рисунок сделал другой человек, давно покинувший группу. Прямой насмешке над другом она помешала, но перенесла её на отсутствующего. Теперь защитная цель осуществляется чужим репутационным расходом. Если этого человека нет рядом, ущерб кажется менее заметным, но не перестаёт существовать. Указание на благой мотив не объясняет, почему именно ему допустимо стать материалом защиты. Поэтому оценка должна включать тех, кого ложный рассказ использует, а не только того, ради кого он был произнесён.

Другая цена возникает для самого защищаемого человека. Друг просил анонимности, но не поручал придумывать за него биографию и контролировать все разговоры. После отрицания Лена может потребовать, чтобы он поддерживал её версию, не подписывал рисунок и избегал преподавателя. Защита становится управлением. Даже если первое отрицание кажется оправданным, оно не создаёт полномочия строить следующие решения за другого. Согласие на помощь имеет предмет и предел; его нельзя расширять задним числом до обязанности участвовать в любой истории, которую помощник сочтёт нужной для сохранения лица.

Кант в разделе I «Основоположения» рассматривает ложное обещание из затруднительного положения и отличает нравственное основание от расчёта будущей выгоды. Это определённый пример, а не подробно прочитанный нами трактат о каждом случае защитной лжи. В ограниченном сопоставлении он мешает объявить неудобство достаточным оправданием: возможность выбрать полезный исход не отвечает автоматически на вопрос о допустимом способе. Его проверка не равна требованию сообщить любому спрашивающему любой известный факт. Ложное обещание и отказ от передачи сведений остаются разными действиями.

Собственное намерение тоже нуждается в проверке после первой минуты. Лена может искренне защищать друга и одновременно спасать образ хорошей подруги. Если она начинает скрывать ложь ради этого образа, первоначальная причина уже не объясняет продолжение. Уместен вопрос: какой конкретный вред сейчас предотвращает новый вымысел? Если ответом становится только «нельзя, чтобы узнали, что я солгала», основание изменилось. Это не приговор личности, а сигнал остановить расширение истории и искать исправление, сохраняющее насколько возможно доверие, личные границы и ответственность перед затронутыми людьми.

IV. Доверие имеет значение и для этики последствий

Иногда заботу о последствиях представляют так, будто она разрешает любой короткий обман с хорошим итогом. Милль в главе II «Утилитаризма» пишет иначе: правдивость поддерживает доверие к словам, и нарушение ради ближайшего удобства может подрывать гораздо более значимое благо. Его аргумент учитывает последствия правила и привычки, а не только удачу отдельной реплики. Мы сохраняем этот уровень рассуждения, не присваивая каждому разговору числовую цену доверия. У человека нет надёжной таблицы, в которой маленькая ложь всегда приносит больше помощи, чем потерь.

В том же контексте Милль допускает возможные исключения для предотвращения серьёзного незаслуженного зла, когда скрыть факт удаётся лишь отрицанием, и требует ограничивать исключение необходимостью. Эти условия не следует незаметно заменить бытовой неловкостью. Страх критики рисунка и предотвращение тяжёлого вреда — разные основания. Мы не превращаем исторические примеры в медицинские или кризисные рекомендации. Для обычной сцены важно другое: даже подход, учитывающий последствия, требует объяснить исключение и его предел, а не довольствуется доброжелательным названием цели или уверенным прогнозом говорящего.

Прогноз в сцене неполон. Отрицание может остановить один разговор, но фотография останется у собеседника. Позже он узнает автора, добавит обвинение в обмане и распространит историю шире. Это возможность, не гарантированный исход. Её нельзя выдавать за доказательство, что правдивый отказ всегда безопаснее. Но нельзя и считать ложь надёжной защитой, не проверяя, какой именно путь вреда она перекрывает. Когда предполагаемая польза держится на уверенности, что все поверят и никто не проверит, мы имеем слабый прогноз, а не установленное преимущество.

Доверие также имеет несколько адресатов. Собеседник может использовать правдивость жестоко; это не требует помогать ему. Друг может доверять Лене сохранение имени; она не обязана доверять ему любое решение. Преподаватель может рассчитывать на честное определение авторства в другом, согласованном контексте. Нельзя говорить о доверии как об одном резервуаре, который либо полностью защищён, либо полностью разрушен. Нужно назвать отношения и предмет: кому что обещано, какая информация нужна для какого решения и где отказ сохраняет честность, не обслуживая чужое намерение причинить унижение.

V. Защита от унижения отличается от сокрытия ответственности

Изменим сцену. На рисунке использована чужая работа без указания, а преподаватель выясняет это, чтобы не приписать авторство неверному человеку. Теперь просьба назвать автора имеет другое основание. Лена по-прежнему может возражать против публичного унижения и предложить спокойный разбор. Но отрицание известного факта ради избавления друга от любого последствия уже защищает его от ответственности за собственное действие. Забота не обязана принимать такую форму. Можно поддержать человека во время исправления и не становиться источником ложного обвинения, замалчивания или чужой потери признания.

Различие не всегда очевидно, потому что последствия ошибки способны быть унизительными сами по себе. Человек может стыдиться даже бережного замечания. Это чувство важно, но не устанавливает, что любое сообщение факта причиняет несправедливость. Нужно смотреть на основание, форму, адресата и необходимый объём. Если преподавателю достаточно обсудить работу с автором отдельно, публикация имени перед всей группой избыточна. Если другой автор лишился признания, отсутствие публичной насмешки не означает, что вопрос можно просто закрыть. Обязанности исправления и границы обращения с человеком рассматриваются вместе.

Близость может сделать оценку односторонней. Лене легче представить боль друга, чем положение человека, чьё авторство присвоено. Полезно поменять роли в описании, не объявляя чувства всех одинаковыми. Что она сочла бы защитой, если бы чужую работу взяли у неё? Что считала бы лишним унижением, если бы ошиблась сама? Смена точки зрения не выдаёт готовый ответ, но показывает, применяется ли правило только к близкому. Не всякая пристрастность неправильна; однако она не должна скрывать чужую обоснованную потребность в правдивом решении.

Защита от жестокого обращения остаётся возможной и при признании ошибки. Лена может отказаться пересылать насмешливую фотографию, помочь другу сформулировать исправление, поддержать разговор с преподавателем. Для этого не нужно отрицать авторство или объявлять ошибку несуществующей. Такая помощь иногда труднее короткого «нет», потому что не устраняет последствия за друга. Но она сохраняет его действующее участие. Человек получает возможность отвечать, уточнять и исправлять своё, а помощник не превращает заботу в обещание навсегда отменять неприятные факты и контролировать реакцию окружающих.

VI. Разногласие источников не следует маскировать

Августин завершает «О лжи» в §42 выводом против любой лжи; его основание связано с христианской истиной и верностью. Милль в выбранном контексте допускает ограниченные исключения при определённом соотношении вреда и необходимости. Мы не объявляем эти позиции скрыто одинаковыми и не пишем, что оба разрешают обман из сострадания. Различение ошибки и лжи у Августина не отменяет его итогового запрета. Признание ценности правдивости у Милля не устраняет его обсуждение исключения. Для читателя это действительное расхождение оснований, которое стоит оставить видимым.

Кантовский пример ложного обещания также нельзя использовать как сокращённое доказательство всех возможных выводов о разговоре. Мы прочитали определённые абзацы, где различаются долг и предусмотрительность и рассматривается универсальность максимы. Мы не заявляем по ним, что разобрали все тексты Канта о лжи, и не приписываем ему нашу практику отказа. Ограничение чтения — часть точности, а не недостаток, который нужно спрятать под уверенным именем философа. Его пример позволяет поставить вопрос о способе действия, оставляя отдельное исследование более сложных случаев открытым.

В «Беседах и суждениях» IV.22 сдержанность речи связана с опасением, что действия не будут соответствовать словам. Это исторический контекст согласования поведения и высказывания, а не самостоятельный ответ на защитную ложь. В нашей сцене сопоставление помогает заметить, что обещание «я тебя защищу» тоже требует границ. Лена не может гарантировать, что никто не узнает имя или никогда не посмеётся. Она может назвать собственное участие: не передавать доверенное имя в насмешливой беседе и не распространять фотографию с унижающей подписью.

Авторская позиция здесь состоит в поиске правдивой защиты прежде, чем спор превратится в разрешение на исключение. Отказ, ограничение объёма, возражение против обращения и участие самого защищаемого человека заслуживают отдельной проверки. Это не доказательство, что любой конфликт всегда разрешим без обмана. И не распоряжение, как действовать в опасной ситуации, где обстоятельства и компетенции иные. Мы сохраняем трудный вопрос открытым в его размере, а в обычном разговоре выбираем действия, которые можно объяснить без выдумки и без передачи человеку, готовому унижать, всех доступных сведений.

VII. Если ложь уже прозвучала

Лена успела сказать «нет» и теперь жалеет. Первый следующий вопрос — не как убедительнее удержать отрицание, а что именно нужно исправить. Если она назвала другого автора, надо остановить перенос обвинения на него. Если просто отрицала участие друга, исправление не обязательно означает немедленно раскрыть имя в той же насмешливой группе. Можно признать, что ответ был неверным и что она не будет обсуждать авторство в таком разговоре. Это не магическая формула; её достаточность зависит от того, какое заблуждение и какой вред она создала.

Друг должен знать о решении, которое коснулось его. Иначе Лена сама определяет, какой ценой сохраняется его анонимность. Разговор может быть коротким: я ответила неверно, потому что хотела остановить насмешку; это было моё решение; я не буду просить тебя поддерживать вымысел. Затем можно обсудить, хочет ли он сам назвать авторство преподавателю или группе. Лена не должна перекладывать свою ложь в его обязанность исправлять её, но не может и считать его непричастным к вопросу, который уже влияет на его участие и дальнейшую речь.

Признание не требует длинной исповеди перед всеми. Иногда большая публичная история только заново распространяет личные сведения и добавляет человеку внимания, которого он не просил. Исправление должно быть связано с созданным заблуждением и затронутыми адресатами. Если никто не был обвинён и факт не использовался для значимого решения, достаточно иной меры, чем при лишении другого авторства. Мы не выводим универсальный порядок раскрытия из этой сцены. Мы удерживаем два требования: не сохранять полезную ложь ради собственного образа и не делать нового вреда только ради чувства полного очищения.

После исправления полезно пересмотреть обещание помощи. Можно договориться: в подобных разговорах я не передаю твоё имя и не поддерживаю насмешку; если речь о разборе авторства, сначала уточняю ситуацию и предлагаю тебе участвовать самому. Это определённое обязательство вместо безграничного «я всё устрою». Друг может не согласиться, и тогда границы обсуждаются заново. Помощь остаётся совместным действием, а не системой тайного управления чужими сведениями. Честный предел иногда бережёт больше, чем обещание защиты, которое помощник способен выполнить только с помощью постоянно растущей истории.

VIII. Удержать различие между трудностью и разрешением

Вопрос о защитной лжи труден именно потому, что правдивость и забота имеют значение одновременно. Признать трудность не означает снять все границы. Можно не знать ответа на крайний случай и всё же видеть, что сегодня есть возможность отказа, а выдуманное имя переносит ущерб на непричастного. Решение не обязано ждать, пока мы закончим историю нравственной философии. Но оно должно оставаться соразмерным фактам, которые действительно известны. Если ситуация выходит за обычный разговор, ограниченное упражнение не получает от этого новую компетенцию и не становится гарантией безопасности.

Есть несколько признаков, что защита превращается в самооправдание: вред назван неопределённо, все альтернативы объявлены невозможными без проверки, цена для других не упомянута, а исключение не имеет окончания. Эти признаки не являются диагностическим тестом и не доказывают плохой мотив. Они указывают на вопросы, которые пока не заданы. Лена может вернуться к каждому: что предотвращаю, почему недостаточна граница, кто несёт расход и когда прекращается необходимость? Ответы могут оставить разногласие, но они делают его конкретнее, чем фраза о маленькой лжи во имя большого добра.

Нравственное обсуждение не должно превращать защищаемого человека в немой повод для героизма помощника. У друга есть право на собственное участие, включая возможность выдержать критику, назвать работу, попросить поддержки или уйти из группы. Лена может помогать, не выбирая его реакцию заранее. Если она защищает его только пока он подтверждает образ ранимого и благодарного человека, забота становится условной ролью. Уточнение его желания не снимает всех обязанностей с неё, но возвращает отношение туда, где двое действуют, а не один управляет чужой жизнью из лучших намерений.

В первоначальной сцене Лена выбирает не называть автора и не участвовать в насмешливой публикации. Она говорит об этом прямо, без ложного отрицания. Этот исход не объявлен универсальной победой над проблемой защитной лжи. Он показывает доступное решение конкретного разговора: отказать в использовании сведений, сохранив честность о собственной позиции и не перекладывая насмешку на другого. Если вопрос изменится, решение потребуется проверить заново. Защита остаётся вниманием к реальному человеку и способу действия, а не разрешением сказать всё, что обещает немедленное облегчение.

Что это значит на практике

Возьмите обычный разговор, в котором хочется сообщить заведомо неверное ради другого человека. Не используйте это упражнение для угрозы, насилия, медицинского решения или профессиональной обязанности. Сначала запишите то, что знаете, и то, что только предполагаете. Затем назовите конкретный вред, который хотите предотвратить. Различите несправедливое обращение и последствия реальной ошибки: оба могут быть болезненными, но потребуют разной помощи. Если основной мотив — собственная неловкость, отметьте его рядом с заботой, не подменяя им обстоятельства другого.

Проверьте три доступные альтернативы: отказ отвечать, правдивое ограничение объёма и прямое возражение против вредного способа использования сведений. Не считайте вариант невозможным лишь потому, что он неудобен. Если ожидаете, что отказ раскроет факт, назовите основание этого ожидания и предел уверенности. Рассмотрите цену предполагаемой лжи для непричастных людей, для доверия и для свободы самого защищаемого. В частности, не приписывайте ему обязанность поддерживать вымысел, который он не выбирал, и не переносите нежелательное внимание на другого автора.

Сформулируйте одно честное предложение, которое определяет ваше участие. Например: «Я не называю авторов в разговоре, где их хотят высмеять, и не буду пересылать эту фотографию с такой подписью». Это пример для условной сцены, а не универсальная реплика. Если человек, которого защищаете, может участвовать в обсуждении, уточните его желание в отдельном разговоре без обещания контролировать всех окружающих. Назовите предел помощи, который готовы действительно соблюдать.

Если неверный ответ уже был дан, определите созданное заблуждение и кого оно затронуло. Исправление не должно расширять историю ради сохранения вашего образа или раскрывать лишние личные сведения ради чувства облегчения. После действия проверьте доступный результат: прекратили ли вы собственное распространение и не оставили ли другого под ложным обвинением? Эта авторская практика не имеет заявленной исследовательской эффективности, не определяет юридическую допустимость и не гарантирует исход. Она помогает отделить защиту человека от удобного оправдания выбранного способа.

Ключевая цитата

> *Мы вовсе никогда не должны лгать.*

Августин, «О лжи», §42, фрагмент итогового вывода; русский перевод United Wisdom по редакции New Advent. Это позиция данного христианского текста, а не объявленный здесь консенсус всех источников.

Связи между традициями

Источник	Контекст	Что помогает увидеть	Различие, которое сохраняем
Августин, §§3,42	Ложь, внутренняя позиция и христианская верность истине	Ошибка отличается от намеренного обмана	Итоговый запрет не превращаем в разрешение доброй лжи
Кант, «Основоположение», I	Ложное обещание из затруднения	Польза и допустимость способа — разные вопросы	Не заявляем по примеру чтение всех кантовских текстов о лжи
Милль, «Утилитаризм», II	Доверие к речи и предел возможного исключения	Ближайшее удобство не равно общему благу	Возможное исключение остаётся реальным расхождением с Августином
Конфуций, IV.22	Слова, которым должны соответствовать действия	Обещание защиты нуждается в выполнимом пределе	Изречение не решает отдельно вопрос защитной лжи
United Wisdom	Условная сцена рисунка и авторская практика	Проверка правдивого отказа и цены для третьих лиц	Не приписываем редакционный порядок первоисточникам

Источники

• Августин. On Lying, New Advent. Прочитаны выбранные §§1–4 и §§40–43 в английской редакции, не весь трактат; эпиграф — фрагмент §3, ключевая цитата — фрагмент §42. Богословское основание и итоговый запрет сохранены. Права редакции не объявляются установленными во всех юрисдикциях.

• Иммануил Кант. Fundamental Principles of the Metaphysic of Morals, перевод Thomas Kingsmill Abbott, Project Gutenberg 5682. Прочитан контекст ложного обещания в разделе I, абзацы о долге и предусмотрительности. Он не заменяет отдельного исследования других кантовских работ о лжи.

• Джон Стюарт Милль. Utilitarianism, Project Gutenberg 11224. Прочитан контекст главы II о правдивости, доверии, ближайшей выгоде и ограничении исключения. Исторические примеры не используются как медицинские или кризисные инструкции.

• Конфуций. The Analects, перевод James Legge, Project Gutenberg 3330. Прочитан контекст IV.15–26; используется ограниченное сопоставление IV.22 с выполнимым обещанием помощи. Буквальная цитата из этого источника здесь не приводится.

Теги

правда, ложь, обман, ошибка, защита, доверие, намерение, вред, унижение, отказ, сведения, анонимность, забота, ответственность, авторство, последствия, исключение, необходимость, согласие, границы, исправление, обещание, близость, третьи лица, Августин, Кант, Милль, Конфуций

Об авторах

Андрей Зариньш — автор и основатель United Wisdom. Исследует внутреннюю трансформацию, единство традиций, межкультурный диалог и современную духовную дисциплину. Instagram: @andrey.zarinsh.

Мария Эвилкут — соавтор United Wisdom. Наряду с исследовательской работой стремится проверять идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.